Правопреемство позиции в корпоративном договоре при отчуждении доли: доктрина ограниченного правопреемства

Дубровский Иван Александрович
аспирант, Академия труда и социальных отношений, mrsimla33@gmail.com

Статья 67.2 ГК РФ не определяет, переходит ли позиция стороны корпоративного договора к приобретателю доли: п. 8 сохраняет договор лишь между оставшимися сторонами, а п. 5 исключает обязанности для третьих лиц. Оба известных решения неприемлемы: строгая относительность позволяет выйти из договора продажей доли подконтрольному лицу, а следование обязательств за долей навязывает приобретателю условия, содержание которых от него скрыто. Мера связанности приобретателя выводится из ступенчатой публичности корпоративного договора, установленной законом. Материалом служат нормы ГК РФ, законов об ООО и об АО, Закона о государственной регистрации юридических лиц, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ и Пленума ВАС РФ, а также нормы права Делавэра, Франции и Германии о действии ограничений против приобретателя; применены формально-юридический анализ, логико-дедуктивный вывод из принципов относительности обязательства и гласности обременений, сравнительно-правовой метод и проверка правила на граничных случаях. Обоснована доктрина ограниченного правопреемства: осведомлённый приобретатель связан известными ему договорными ограничениями как участник оборота, хотя обязанности из договора к нему не переходят, а полноправной стороной он становится только через присоединение, механизм которого образуют ст. 392.3 и абз. 2 п. 2 ст. 391 ГК РФ. При наследовании доли критерий осведомлённости уступает место существу обязательства, при реорганизации участника договорная позиция следует за долей к его правопреемнику, а покупатель доли на публичных торгах презюмируется знающим об ограничениях, внесённых в ЕГРЮЛ. Обнаружено расхождение стандартов осведомлённости в ГК РФ и Законе об АО. Предложено дополнить ст. 67.2 ГК РФ правилом о переходе договорных ограничений к осведомлённому приобретателю, об обязанности отчуждателя раскрыть ему содержание договора и о праве остальных сторон понуждать уклоняющегося приобретателя к присоединению.

Ключевые слова: корпоративный договор, отчуждение доли, правопреемство, противопоставимость, добросовестность, присоединение к договору, информационная асимметрия.

Введение

Статья 67.2 ГК РФ предоставила участникам хозяйственных обществ широкую свободу в определении содержания корпоративного договора, однако судьбу договорной позиции при отчуждении доли регулирует лишь отчасти. Пункт 8 ст. 67.2 ГК РФ устанавливает, что прекращение права одной из сторон на долю не влечёт прекращения договора в отношении остальных его сторон, если иное не предусмотрено договором; норма решает вопрос о сохранении договора между оставшимися участниками и ничего не говорит о положении приобретателя. Принцип относительности закреплён прямо: корпоративный договор не создаёт обязанностей для лиц, не участвующих в нём в качестве сторон (п. 5 ст. 67.2 ГК РФ с отсылкой к ст. 308 ГК РФ), а акционерное соглашение обязательно только для его сторон (п. 4 ст. 32.1 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», далее также Закон об АО). Приобретатель доли между тем отличается от обычного третьего лица. Он занимает в корпорации место выбывшей стороны, и вопрос о том, наследует ли он вместе с долей договорную позицию последней, при обеих названных нормах остаётся открытым.

Практическая цена пробела определяется двумя зеркальными ситуациями. Продажа доли подконтрольному лицу позволяет стороне освободиться от неудобных договорённостей вместе со статусом участника, хотя актив остаётся под прежним контролем; приобретатель, купивший долю без сведений о договоре, может, напротив, столкнуться с требованием исполнять обязательства, содержание которых от него было скрыто. Для отношений с иностранным элементом та же неустойчивость обязательственных позиций усиливается правовыми рисками кредиторов, возникающими при банкротстве должника, имеющего обязательства перед иностранными контрагентами [11]. Распространённая доктринальная позиция исходит из того, что лицо, утратившее долю, выбывает из договора, а лицо, приобретшее её, в договор само по себе не входит [2]. Такое решение последовательно, но ставит прочность договора в зависимость от постоянства состава его сторон.

Вопрос исследования формулируется так: в какой мере и на каком основании позиция стороны корпоративного договора переходит к приобретателю доли, если закон молчит, а два крайних решения (строгая относительность и следование договора за долей) приводят к неприемлемым последствиям. Задача состоит в том, чтобы вывести меру связанности приобретателя из объёма публичности, который закон придал корпоративному договору, и проверить полученное правило на граничных случаях: продаже доли подконтрольному лицу, наследовании доли, реорганизации участника и продаже доли с публичных торгов.

Материалы и методы исследования

Материал исследования образуют нормы ГК РФ о корпоративном договоре (ст. 67.2), об относительности обязательства (ст. 308), о переводе долга и передаче договора (ст. 391, 392.3), о моменте заключения договора для третьих лиц (п. 3 ст. 433), о сохранении договора аренды при смене собственника (ст. 617), о составе наследства и наследовании доли (ст. 1112, 1176) и о правопреемстве при реорганизации (ст. 58); положения п. 3 ст. 8 и п. 8, 9 ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее также Закон об ООО), ст. 32.1 Закона об АО, подп. «л.1» и «л.2» п. 1 ст. 5 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее также Закон № 129-ФЗ). Все акты изучены в редакциях, действующих на 16 сентября 2026 г. Разъяснения высших судов привлечены в части, относящейся к действию договора против третьих лиц и к перемене стороны договора: п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49, п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 и п. 14 постановления Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73. Сравнительный материал ограничен тремя нормами, которые прямо связывают действие ограничения против приобретателя с его осведомлённостью или с публичностью ограничения: § 202(a) Общего закона о корпорациях штата Делавэр, ст. 1123 Французского гражданского кодекса в редакции ордонанса от

10.02.2016 № 2016-131 и § 15 (5) Закона ФРГ об обществах с ограниченной ответственностью.

Единицей анализа служит правоотношение между приобретателем доли и остальными сторонами корпоративного договора, а предметом проверки выступает нормативное условие, при котором условия договора могут быть противопоставлены приобретателю. Применены формально-юридический анализ перечисленных норм, логико-дедуктивный вывод из принципа относительности обязательства и принципа гласности обременений, сравнительно-правовой метод в объёме названных зарубежных норм и проверка выведенного правила на четырёх граничных случаях. Последовательность операций такова. Сначала реконструируются посылки двух конкурирующих решений и устанавливается, какое нормативное условие делает каждое из них неприемлемым; затем из норм о публичности корпоративного договора выводится критерий противопоставимости его условий приобретателю; далее критерий применяется к ситуациям сингулярного и универсального правопреемства, а случаи, в которых он отказывает, служат проверкой границ конструкции. Доктринальные положения привлекаются как посылки и контрпозиции; предметом операций остаются нормы, понятия и отношения между ними.

Результаты и обсуждение

Первое решение исходит из обязательственной природы корпоративного договора. В доктрине корпоративный договор относят к предпринимательским договорам, порождающим обязательственные, а не корпоративные отношения [3]. Он упорядочивает осуществление корпоративных прав, но сам корпоративного эффекта не создаёт, и отсылка п. 5 ст. 67.2 ГК РФ к ст. 308 ГК РФ прочитывается как подтверждение того, что договор связывает только подписавших его лиц. Пункт 3 ст. 308 ГК РФ устанавливает, что обязательство не создаёт обязанностей для третьих лиц, и допускает возникновение у них лишь прав. Тот же вывод следует из разграничения договора между участниками и договора участников с третьим лицом по п. 9 ст. 67.2 ГК РФ. Первый порождает организационное отношение, второй порождает обязательственное, а третье лицо приобретает права из такого договора только собственным участием в нём [12], [13]. Вопрос о круге возможных сторон, включая членов органов управления, обсуждается отдельно [7], но и он предполагает, что статус стороны приобретается участием в договоре. Немецкий правопорядок допускает винкуляцию долей уставом (§ 15 (5) GmbHG), и такое ограничение действует против любого приобретателя, тогда как соглашение участников вне устава связывает только его стороны; в сравнительной литературе соглашение акционеров описывается как инструмент частного упорядочения, содержание которого ограничено лишь императивными нормами и который затрагивает интересы третьих лиц, не связывая их [14]. Логика первого решения последовательна, но обесценивает институт. Договор прочен ровно настолько, насколько прочен состав его сторон, и обходится продажей доли подконтрольному лицу.

Второе решение мыслимо по образцу п. 1 ст. 617 ГК РФ, который устанавливает, что переход права собственности на сданное в аренду имущество не является основанием для изменения или расторжения договора аренды. Обязательства из корпоративного договора рассматривались бы тогда как обременение доли, следующее за ней к любому приобретателю. Устойчивость договора такая модель обеспечивала бы, однако она несовместима с тремя нормативными положениями. Доля обременялась бы здесь не правом третьего лица, как при залоге, а чужими обязанностями; такое следование обязанностей за объектом закон допускает лишь в прямо предусмотренных случаях, каким для аренды служит ст. 617 ГК РФ, а для доли аналогичной нормы нет. Правовой режим сделок с долями в ООО раскрывается через статус сторон, порядок совершения сделки и последствия её нарушения [4], и переход обязательственных позиций отчуждателя в этот режим не входит. Далее, ст. 392.3 ГК РФ подчиняет передачу договора правилам об уступке требования и о переводе долга, а п. 2 ст. 391 ГК РФ признаёт перевод долга без согласия кредитора ничтожным; само согласие кредитора квалифицируется как согласие третьего лица на совершение сделки [9]. Позиция в корпоративном договоре всегда включает обязанности, поэтому её автоматический переход исключён. Наконец, п. 4 ст. 67.2 ГК РФ предусматривает, что содержание корпоративного договора непубличного общества конфиденциально и раскрытию подлежит только факт его заключения; требовать от приобретателя соблюдения условий, которых он не мог узнать при любой осмотрительности, значит вменять ему невозможное.

Показательно, что и в аренде, служащей образцом для этой модели, следование договора за вещью поставлено в зависимость от его гласности. Согласно п. 14 постановления Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73 к отношениям пользователя по незарегистрированному договору аренды и приобретателя недвижимой вещи п. 1 ст. 617 ГК РФ не применяется. Общее правило п. 3 ст. 433 ГК РФ закрепляет тот же принцип: подлежащий регистрации договор считается для третьих лиц заключённым с момента его регистрации.

Выбор между относительностью и следованием оказывается ложной развилкой, если учесть объём публичности договора. Частное право устойчиво связывает действие обременений против третьих лиц с их гласностью. Скрытое обременение третьим лицам не противопоставляется, публичное противопоставляется. Разъяснение п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 доводит эту связь до критерия осведомлённости, поскольку незарегистрированный договор не влечёт юридических последствий для третьих лиц, которые не знали и не должны были знать о его заключении. Публичность корпоративного договора ступенчата. Общество уведомляется о факте заключения договора (п. 4 ст. 67.2 ГК РФ, п. 3 ст. 8 Закона об ООО, п. 4.1 ст. 32.1 Закона об АО); в ЕГРЮЛ вносятся сведения о наличии договора, определяющего объём правомочий участников непропорционально размерам их долей, и договора, предусматривающего ограничения и условия отчуждения долей (подп. «л.1», «л.2» п. 1 ст. 5 Закона № 129-ФЗ); публичное общество раскрывает уведомления о приобретении по соглашению права определять голосование сверх пороговых значений (п. 5, 5.1 ст. 32.1 Закона об АО). Содержание договора непубличного общества при этом остаётся закрытым.

Усечённой публичности должна отвечать усечённая противопоставимость, и зачаток такого подхода в законе уже есть. Абзац третий п. 6 ст. 67.2 ГК РФ допускает признание недействительной сделки, совершённой стороной в нарушение корпоративного договора, если другая сторона сделки знала или должна была знать об установленных договором ограничениях. Законодатель сам поставил эффект договора против третьего лица в зависимость от осведомлённости последнего; эту логику осталось довести до положения приобретателя доли. Вопрос о действии договора против лиц, не являющихся его сторонами, ставится в литературе и применительно к самой корпорации, условия договора которой могут связывать менеджмент в отношении конкретного управленческого решения [1]. Предлагаемая конструкция оставляет этот вопрос в стороне и относится к положению приобретателя доли.

Доктрина ограниченного правопреемства состоит в следующем. Позиция стороны корпоративного договора переходит к приобретателю доли в меру его осведомлённости о содержании договора, причём переход распадается на два различных эффекта. Первый эффект – противопоставимость – возникает в силу самого знания. Приобретатель, которому содержание договора раскрыто или который должен был выяснить его при должной осмотрительности, не вправе ссылаться на необязательность для него чужих договорённостей. Голосование вопреки раскрытым ему ограничениям и сделки в обход таких ограничений образуют извлечение преимущества из недобросовестного поведения, запрещённое п. 4 ст. 1 и ст. 10 ГК РФ, а к сделкам приобретателя по аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ) применим абз. 3 п. 6 ст. 67.2 ГК РФ, установленный для контрагентов стороны договора. Пункт 5 ст. 67.2 ГК РФ этому не препятствует. Осведомлённый приобретатель не становится должником по чужому договору и не принимает на себя ни одной его обязанности; его связывает обращённый к любому участнику оборота запрет извлекать выгоду из собственной недобросовестности. Стандарт осведомлённости заимствуется при этом не из вещного права, где для защиты приобретателя достаточно отсутствия сомнений в правовом основании приобретения [6], а из самого п. 6 ст. 67.2 ГК РФ. В рамках предлагаемой конструкции приобретатель должен был знать об ограничениях, если сведения о них внесены в ЕГРЮЛ либо факт заключения договора был ему сообщён и он мог запросить его содержание. Для акционерного соглашения п. 4 ст. 32.1 Закона об АО формулирует стандарт строже, требуя, чтобы контрагент знал или заведомо должен был знать об ограничениях; это расхождение нуждается в устранении, поскольку объём должной осмотрительности

приобретателя определяется доступностью сведений о договоре, одинаковой для обществ обеих форм.

Второй эффект, полное правопреемство позиции вместе с активными правами из договора, наступает только через присоединение приобретателя к договору. Механизм присоединения даёт ст. 392.3 ГК РФ, подчиняющая передачу договора правилам об уступке требования и переводе долга; по разъяснению п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 к вступившему в договор третьему лицу переходит комплекс прав и обязанностей по договору в целом. Согласие остальных сторон на замену стороны может быть дано заранее. По абз. 2 п. 2 ст. 391 ГК РФ при предварительном согласии кредитора перевод считается состоявшимся с получением кредитором уведомления о переводе. Корпоративный договор, содержащий предварительное согласие всех сторон на переход позиции к любому приобретателю доли вместе с обязанностью отчуждателя обеспечить присоединение, приобретает свойства открытого многостороннего договора; в доктрине многосторонних договоров предложено различать закрытые и открытые договоры [10], и договор с таким согласием относится ко вторым. Присоединение оформляется соглашением отчуждателя и приобретателя о передаче позиции с уведомлением остальных сторон, а в договорной практике для этого служит оговорка о присоединении (deed of adherence), которая относится к тем зарубежным договорным механизмам, перспективы имплементации которых обсуждаются в отечественной литературе [8]. Различие двух эффектов принципиально. Противопоставимость лишает осведомлённого приобретателя возможности действовать вопреки известным ему ограничениям и оставляет его вне круга кредиторов по договору. Присоединение делает его полноправной стороной с правами и обязанностями.

Такую меру связанности знают и другие правопорядки. По § 202(a) Общего закона о корпорациях штата Делавэр ограничение оборота ценных бумаг, не отражённое заметным образом на сертификате акций, недействительно против любого лица, кроме того, кто фактически знал об ограничении. Французский законодатель при реформе обязательственного права предоставил бенефициару преференциального пакта (pacte de préférence) иск о недействительности договора или о замещении им третьего лица, если третье лицо знало о существовании пакта и о намерении бенефициара им воспользоваться (ст. 1123 ФГК). Немецкое разграничение уставной винкуляции, действующей против всех, и обязательственной оговорки, связывающей только стороны, держится на том же принципе: устав публичен, соглашение – нет. Ту же логику показывает польское регулирование, где ограничение оборота долей (lock-up) закрепляется в учредительном документе общества [15], то есть в акте, обязательном для каждого участника, включая приобретателя доли. Во всех названных правопорядках мера действия ограничения против приобретателя определяется гласностью ограничения либо фактическим знанием о нём, то есть тем критерием, который в российском праве заложен в абз. 3 п. 6 ст. 67.2 ГК РФ.

Пределы предложенной меры проступают в граничных случаях. При продаже доли подконтрольному лицу критерий осведомлённости работает без изъятий. Осведомлённость подконтрольного лица о содержании договора презюмируется через контролирующего его отчуждателя, поэтому ограничения договора ему противопоставимы, а обход договора сменой формального владельца не достигает цели. Осведомлённость годится как критерий там, где доля переходит по сделке, и отказывает при универсальном правопреемстве, поскольку наследник принимает наследственную массу целиком, включая долги, о которых не знал. Фильтром при наследовании доли служит не знание, а существо обязательства: по абз. 2 ст. 1112 ГК РФ в состав наследства не входят права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя. По предлагаемому здесь толкованию обязанности голосовать согласованно, построенные на взаимном доверии участников, относятся к таким обязанностям и с долей не переходят; обязанности имущественного содержания (продать или приобрести долю по определённой цене при наступлении обстоятельств) личной связи лишены и входят в наследство вместе с долей (абз. 1 ст. 1112, п. 1 ст. 1176 ГК РФ). Там, где устав требует согласия остальных участников на переход доли к наследнику (п. 8 ст. 21 Закона об ООО), вопрос о договорной позиции снимается вместе с отказом в согласии. Реорганизация участника подчинена началу универсального правопреемства иначе, чем наследование. Права и обязанности реорганизованного юридического лица переходят к правопреемнику (п. 1, 2 ст. 58 ГК РФ), а обязанности юридического лица по общему правилу к неразрывно связанным с личностью отнести нельзя, поэтому договорная позиция переходит вместе с долей, если корпоративный договор такой переход прямо не исключает. На публичных торгах при обращении взыскания на долю и при её продаже в процедуре банкротства осведомлённость, напротив, действует в чистом виде. Если сведения об ограничениях отчуждения внесены в ЕГРЮЛ, покупатель презюмируется знающим об их существовании и несёт бремя запросить содержание договора, скрытые же от него условия ему не противопоставимы; сам переход прав и обязанностей участника по доле, проданной с публичных торгов, закон связывает с согласием участников (п. 9 ст. 21 Закона об ООО).

Договорная профилактика полезна, но не самодостаточна. Оговорки о прекращении договора при отчуждении доли, обязанность продавца обеспечить присоединение приобретателя и временные соразмерные ограничения распоряжения долями, допустимость которых признаётся в доктрине [5], защищают договор лишь опосредованно. Санкции за нарушение обязанности обеспечить присоединение разделяют общий для корпоративного договора дефицит принудительности. Явно несоразмерную неустойку суд вправе уменьшить (ст. 333 ГК РФ), а размер убытков от несостоявшегося присоединения зависит от гипотетического хода голосований и потому трудно доказуем. Договорные оговорки охраняют право на неустойку, а сохранение самой договорной позиции при смене участника требует нормы о противопоставимости её условий осведомлённому приобретателю.

Заключение

Изложенное решение – не компромисс между двумя крайностями, а следствие того объёма гласности, которым закон наделил корпоративный договор. De lege lata мера связанности приобретателя доли выводима из абз. 3 п. 6 ст. 67.2 ГК РФ, принципа добросовестности и ст. 392.3 ГК РФ. Приобретатель, знавший или обязанный знать о договорных ограничениях, связан ими как участник оборота, но не как должник; полноправной стороной он становится через присоединение с заранее данного согласия остальных участников договора. При наследовании доли место осведомлённости занимает существо обязательства, реорганизация участника переносит позицию на правопреемника в силу универсального правопреемства, а покупатель доли на публичных торгах считается осведомлённым об ограничениях, внесённых в ЕГРЮЛ.

De lege ferenda заслуживает обсуждения дополнение ст. 67.2 ГК РФ правилом о судьбе договора при отчуждении доли: переход к осведомлённому приобретателю договорных ограничений, обязанность отчуждателя ознакомить приобретателя с содержанием договора на условиях конфиденциальности, право остальных сторон понуждать к присоединению осведомлённого приобретателя, который от него уклоняется, и единый для обществ обеих форм стандарт осведомлённости. Устойчивость договора к смене состава участников и есть тот элемент минимальной исполнимости, который придаст широте его дозволенного содержания реальную опору.

Литература

1. Богусевич С.И. О возможности противопоставления корпорации корпоративного договора ее участников // Актуальные проблемы российского права. 2026. Т. 21. № 2. С. 121-136. DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.121-136

2. Гутенева А.В. Торговый и корпоративный договоры: проблемы соотношения и тенденции применения в деловой практике // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 1. С. 102-109. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.102-109

3. Ситдикова Л.Б. Корпоративный договор как способ осуществления прав участников корпоративных отношений // Юрист. 2024. № 3. С. 2-7. DOI: 10.18572/1812-3929-2024-3-2-7

4. Босык О.И. Понятие правового режима сделок участников общества с ограниченной ответственностью, влекущих переход доли в уставном капитале // Юрист. 2025. № 8. С. 12-20. DOI: 10.18572/1812-3929-2025-8-12-20

5. Мельник Д.Э. Корпоративный договор как средство ограничения корпоративных прав участников хозяйственных обществ // Юридический мир. 2026. № 2. С. 32-35. DOI: 10.18572/1811-1475-2026-2-32-35

6. Мальбин Д.А. Спорные вопросы знания добросовестного приобретателя о неуправомоченности отчуждателя // Юридический мир. 2023. № 1. С. 39-42. DOI: 10.18572/1811-1475-2023-1-39-42

7. Могилевский С.Д., Крылов В.Г. Члены органов управления хозяйственных обществ как участники корпоративного договора // Гражданское право. 2026. № 4. С. 2-4. DOI: 10.18572/2070-2140-2026-4-2-4

8. Кудрявцева О.В. Перспективы имплементации в российское законодательство механизмов договорной правовой защиты из зарубежных правопорядков // Хозяйство и право. 2026. № 6. С. 90-98. DOI: 10.18572/0134-2398-2026-6-90-98

9. Поваров Ю.С. Вопросы формы и государственной регистрации перевода долга (в аспекте предметных границ действия принципа следования) // Российский судья. 2025. № 10. С. 3-8. DOI: 10.18572/1812-3791-2025-10-3-8

10. Ибадова Л.Т. Многосторонние договоры в российском гражданском праве: проблемы теории и практики // Lex russica. 2026. Т. 79. № 3. С. 66-76. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.066-076

11. Поляков М.А., Лаврентьев С.А. Правовые риски кредиторов при банкротстве организаций, ведущих внешнеэкономическую деятельность в области природопользования и имеющих обязательства перед иностранными контрагентами // Вопросы природопользования. 2026. Т. 5. № 2. С. 132-143.

12. Васильченко Д.Д. Договор об осуществлении прав участников общества, заключаемый с третьими лицами в гражданском праве Российской Федерации // Юридические исследования. 2017. № 3. С. 52-60. DOI: 10.7256/2409-7136.2017.3.22154

13. Перепелкин В.М. Правовые проблемы заключения квазикорпоративных договоров с третьими лицами // Теория и практика общественного развития. 2025. № 9. С. 205-210. DOI: 10.24158/tipor.2025.9.25

14. Braut Filipović M. How can shareholders' agreements shape corporate governance and directors' liability? // InterEULawEast. 2022. Vol. 9. No. 2. Pp. 193-222. DOI: 10.22598/iele.2022.9.2.7

15. Moniczewski K. The Lock-Up Clause in a Polish Limited Liability Company: A Legal and Economic Analysis in the Context of Private Equity and Venture Capital Investments // Journal for Perspectives of Economic Political and Social Integration. 2025. Vol. 31. No. 1. Pp. 189-209. DOI: 10.18290/pepsi-2025-0007

Succession to a party's position under a corporate agreement upon transfer of a share: the doctrine of limited succession

Dubrovsky I.A.

Academy of Labour and Social Relations

Article 67.2 of the Russian Civil Code does not say whether a party's position under a corporate agreement passes to the transferee of a share: paragraph 8 preserves the agreement among the remaining parties, paragraph 5 denies duties for non-parties. Strict privity lets a party escape the agreement by selling the share to a controlled entity; automatic transfer of obligations binds the buyer to confidential terms. The transferee's degree of boundness is derived here from the graduated publicity the statute gives to the agreement. The material comprises Russian statutory rules on corporate agreements, share transfers, contract transfer and succession, guidance of the higher courts, and Delaware, French and German provisions on restrictions binding a transferee; the methods are formal legal analysis, deduction from the principles of privity and publicity of encumbrances, comparative analysis and a test against borderline cases. Under the doctrine of limited succession a transferee who knew or should have known the agreement's contents cannot act contrary to its restrictions, though no obligation passes to him; full succession requires accession under the rules on contract transfer with the other parties' advance consent. On inheritance the knowledge test yields to the nature of the obligation, on a member's reorganization the position follows the share, and an auction buyer is presumed to know restrictions recorded in the state register. The knowledge standards of the Civil Code and the Joint-Stock Companies Law diverge. A statutory supplement is proposed: restrictions pass to an informed transferee, the transferor must disclose the agreement under confidentiality, and the other parties may compel an evasive informed transferee to accede.

Keywords: corporate agreement, share transfer, succession, opposability, good faith, deed of adherence, information asymmetry.

References

1. Bogusevich S.I. On the Possibility of Opposing a Corporate Agreement of Its Participants to the Corporation // Actual Problems of Russian Law. 2026. Vol. 21. No. 2. Pp. 121-136. DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.121-136
2. Guteneva A.V. Trade and Corporate Agreements: Problems of Correlation and Trends in Their Application in Business Practice // Actual Problems of Russian Law. 2024. Vol. 19. No. 1. Pp. 102-109. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.102-109
3. Sitdikova L.B. Corporate Agreement as a Method of Exercising the Rights of Participants in Corporate Relations // Jurist. 2024. No. 3. Pp. 2-7. DOI: 10.18572/1812-3929-2024-3-2-7
4. Bosyk O.I. The Concept of the Legal Regime of Transactions by Participants of a Limited Liability Company Entailing the Transfer of a Share in the Charter Capital // Jurist. 2025. No. 8. Pp. 12-20. DOI: 10.18572/1812-3929-2025-8-12-20
5. Melnik D.E. Corporate Agreement as a Means of Limiting Corporate Rights of Participants in Business Associations // Legal World. 2026. No. 2. Pp. 32-35. DOI: 10.18572/1811-1475-2026-2-32-35
6. Malbin D.A. Controversial Issues of a Bona Fide Purchaser's Knowledge of the Transferor's Lack of Authority // Legal World. 2023. No. 1. Pp. 39-42. DOI: 10.18572/1811-1475-2023-1-39-42
7. Mogilevskiy S.D., Krylov V.G. Members of Management Bodies of Commercial Entities as Participants in Corporate Agreements // Civil Law. 2026. No. 4. Pp. 2-4. DOI: 10.18572/2070-2140-2026-4-2-4
8. Kudryavtseva O.V. Prospects for Implementing Contractual Legal Protection Mechanisms from Foreign Legal Orders into Russian Legislation // Economy and Law. 2026. No. 6. Pp. 90-98. DOI: 10.18572/0134-2398-2026-6-90-98
9. Povarov Yu.S. Questions of Form and State Registration of Debt Transfer (in the Aspect of the Subject-Matter Boundaries of the Principle of Following) // Russian Judge. 2025. No. 10. Pp. 3-8. DOI: 10.18572/1812-3791-2025-10-3-8
10. Ibadova L.T. Multilateral Agreements in Russian Civil Law: Problems of Theory and Practice // Lex russica. 2026. Vol. 79. No. 3. Pp. 66-76. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.066-076
11. Polyakov M.A., Lavrentev S.A. Legal Risks of Creditors in the Bankruptcy of Organizations Engaged in Foreign Economic Activity in the Field of Environmental Management and Having Obligations to Foreign Counterparties // Environmental Management Issues. 2026. Vol. 5. No. 2. Pp. 132-143.
12. Vasilchenko D.D. Agreement on the Exercise of Participants' Rights Concluded with Third Parties in the Civil Law of the Russian Federation // Legal Studies. 2017. No. 3. Pp. 52-60. DOI: 10.7256/2409-7136.2017.3.22154
13. Perepelkin V.M. Legal Problems of Concluding Quasi-Corporate Agreements with Third Parties // Theory and Practice of Social Development. 2025. No. 9. Pp. 205-210. DOI: 10.24158/tipor.2025.9.25
14. Braut Filipović M. How can shareholders' agreements shape corporate governance and directors' liability? // InterEULawEast. 2022. Vol. 9. No. 2. Pp. 193-222. DOI: 10.22598/iele.2022.9.2.7
15. Moniczewski K. The Lock-Up Clause in a Polish Limited Liability Company: A Legal and Economic Analysis in the Context of Private Equity and Venture Capital Investments // Journal for Perspectives of Economic Political and Social Integration. 2025. Vol. 31. No. 1. Pp. 189-209. DOI: 10.18290/pepsi-2025-0007